

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЛАВЯНЕ
И
РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1968

«ЕДИНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ» И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОБЩЕНИЕ В РУССКИХ БЫЛИНАХ

Д. С. Лихачев

Развивая точки зрения, высказанные в свое время А. П. Скафтымовым¹, некоторые ленинградские фольклористы много пишут в последнее время о том, что в художественном обобщении былинами русской истории не следует искать конкретные исторические имена и факты. Перед нами в былинах, утверждают они, идеалы, получившие «конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)»². Выражение в былинах «вековых идеалов народа» они противопоставляют отражению в ней «единичных событий»³.

Приведу некоторые выдержки из статьи Б. Н. Путилова «Об истории русских былин»: «Сфера действительности, подвластная эпосу, имеет свои границы»; «Эпос не имеет почти никаких точек соприкосновения с летописями»; «Былинные герои — это постоянные типы... Нет никаких оснований видеть за этими типами реальных людей, некогда действовавших в истории. Художественная индивидуальность их также относительна и условна. Она чаще всего — производное от логики сюжетного повествования и характерных коллизий»⁴. Для былин, — утверждает Б. Н. Путилов, — характерно «почти полное отсутствие в них портретных описаний»; «Напрасно искать в истории какие-либо определенные общественные соответствия отношениям между богатырями и князем»⁵; «Прошлое в былинах конструируется на основе воспоминаний *современного* (последнее слово подчеркнуто мною. — Д. Л.) певцам общественного опыта и живых

¹ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. Москва — Саратов, 1924.

² Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 26.

³ «Былины, — пишет В. Я. Пропп, — отражают не единичные события истории, — они выражают вековые идеалы народа» (В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1955, стр. 24). Далее В. Я. Пропп пишет о «необходимости изучать эпос не применительно к отдельным частным событиям, а применительно к эпохам, периодам ее развития» (там же, стр. 26). Еще более категоричен Б. Н. Путилов: «Эпос никаких отдельных исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят» (Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор..., стр. 26).

⁴ Б. Н. Путилов. Об истории русских былин. — Сб. Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор, т. X. М.—Л., 1966, стр. 119.

⁵ Там же, стр. 116.

(т. е. современных. — Д. М.) народных идеалов... Неправильно думать, что эпический мир представляет собою некое реальное прошлое, подвергшееся идеализации. Перед нами — своеобразная эпическая модель мира, никогда в действительности как целое не существовавшего»⁶. Как видим, художественный мир былин не только «освобождается» от исторической основы, но он приобретает удивительно обедненный и «безликий» характер.

Предлагая прекратить изучение исторических событий или исторических лиц, легших в основу былинных сюжетов и былинных героев, Б. Н. Путилов пишет: «Поиски и блуждания вокруг отдельных имен отвлекают внимание от глубокого изучения исторической атмосферы народной жизни в эпосе, от художественного анализа песен»⁷, и отмечает стремление «современной науки выйти на широкие пути подлинно исторического изучения народного эпоса в его специфике»⁸. Однако за этими декларациями необходимости «подлинно исторического изучения» эпоса следует у Б. Н. Путилова отрицание всякого исторического содержания эпоса. Весь историзм сводится Б. Н. Путиловым к тому, что в эпосе отрицается современная певцу действительность и художественная специфика, современная певцу, «реконструируемая» на основании традиционных мотивов, но не имеющая ничего общего с историей «модель прошлого».

Былинный эпос как бы только пытается быть историческим, реконструировать историю, но на самом деле он, ведомый внутренними законами творчества, никакого отношения к реальной исторической действительности не имеет. Он историчен только в той мере, в какой он создан в очень крупный, длительный исторический период, и отражает различные этапы этой исторической действительности. Но в таком случае его историзм не больше историзма любого вида человеческой деятельности, а в некоторых случаях даже меньше, так как творение человека, созданное в конкретный исторический период и не имеющее последующих наслоений, конечно, больше и яснее отражает историческую действительность, чем эпос, который создается длительно и ни к какой точно эпохе не относится. Никто и никогда не сомневался в том, что в былинах заключено художественное обобщение истории. Уверение отдельных фольклористов, что представители исторической школы в фольклористике рассматривали былины только как исторический источник, как документ и не учитывали художественной специфики былин, лишены оснований. Историк-источниковед, изучая документ, пригибает во внимание специфику той области, к которой этот документ относится, изучает происхождение документа, историю его создания. Было бы страшно, если бы представители исторической школы начисто игнорировали специфику фольклорных произведений, рассматривали их как «документ вообще». Все дело, однако, в том, как опре-

⁶ Б. Н. Путилов. Об истории русских былин, стр. 114.

⁷ Там же, стр. 107.

⁸ Там же, стр. 107, 126.

деляли эту специфику представителя исторической школы. Попыток объективно проанализировать их взгляды на эту художественную специфику сделано не было. Эта задача предстоит всем нам.

Вс. Миллер и его последователи достаточно хорошо понимали, что былины заключают вымысел, трансформируют исторические факты, обобщают их, соединяют несколько фактов в один и пр. Но сюжетные линии меняются сильнее и быстрее, чем имена и названия. Это и есть одна из специфических особенностей былинного творчества. Поэтому в выяснении исторического субстрата представители исторической школы уделяли большое внимание именно именам и названиям.

Различие между представителями исторической школы и их противниками состоит в том, что представители исторической школы считают, что обобщение возникает постепенно на основе единичного исторического факта, а их противники — что обобщение, вымысленность сюжета и героев, приходит сразу: сразу дается некий вымышленный сюжет, который затем может меняться, разрастаться, расцветиваться историческими именами и названиями.

Не только «учитывая», но и изучая художественную специфику того или иного произведения эпоса, мы должны помнить об исторической изменчивости художественной специфики. Былина вовсе не обобщает исторические события и историческую действительность так же, как их, допустим, обобщает произведение литературы нового времени. Нельзя думать, что народ сознательно создает в былинах открыто вымышленных героев и открыто вымышленные события так, как их создают авторы литературных произведений в XIX и XX вв. В самом деле, даже в произведениях древней русской литературы, более близких былинам по времени их создания, художественное обобщение во многом отлично от художественного обобщения в литературе нового времени. Русская литература до XVII в. не знает, в частности, открыто вымышленных сюжетов и открыто вымышленных имен героев. Она строит свои обобщения на основе конкретных фактов и конкретных исторических лиц⁹. Нельзя думать, что фольклор эпохи феодализма стоял в этом отношении на более новых позициях, чем литература эпохи феодализма.

В задачу настоящей краткой статьи не может войти рассмотрение всего сложного и обширного вопроса об отношении художественной специфики былиного эпоса к конкретным историческим событиям и историческим именам. Я бы хотел только напомнить некоторые, не учитываемые в полемике факты отношения самих носителей былиного эпоса к исторической сути исполняемых ими произведений. А факты эти очень существенны.

⁹ О характере средневекового историзма и об отношении средневековой русской литературы к историческим именам я подробно писал в главе «От исторического имени литературного героя к вымышленному» в книге «Человек в литературе древней Руси» (М.—Л., 1958. стр. 119—140).

Я думаю, что А. П. Скафтымов неправ, когда утверждает, что «только эстетическим обаянием обуславливается живой интерес простого народа к былине»¹⁰. Для сказителя и его слушателей былина рассказывает прежде всего правду, историю. Художественность, разумеется, не противоречит этой правде, а позволяет ее лучше выявить.

Вот, что писал А. Ф. Гильфердинг в статье «Олопецкая губерния и ее народные рапсоды»: «Без веры в чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзия. Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско, — эпическая поэзия в нем убита. А множество признаков убедили меня, что севернорусский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются». Далее А. Ф. Гильфердинг приводит конкретный пример того, как его провожатый крестьянин воспринял песню былины сказителем Андреем Сорокиным, и пишет, заключая: «Словом, мой провожатый слушал всю эту былину с такой же верою в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событии вчерашнего дня, правда необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном. То же самое наблюдение мне пришлось делать много раз. Иногда сам певец былин, когда заставишь петь ее с расстановкою, необходимою для записывания, вставляет между стихами свои комментарии, и комментарии эти свидетельствуют, что он вполне живет мыслию в том мире, который воспеваает. Так, например, Никифор Прохоров сопровождал события, описываемые им в былине о Михайле Потыке, такими замечаниями: «Каково, братцы, три месяца прожить в земле!», или «Вишь поганая змея, выдумала еще хитрить», или «Вот подумаешь, бабы уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь из грамотеев заявляется сомнение, действительно ли все было так, как поется в былине, рапсод объясняет дело весьма просто: «В старину-де люди были вовсе не такие, как теперь». Только от двух сказителей я слышал выражение некоторого неверия; и тот и другой не только грамотные, но и начетчики, один перешедший из раскола в единоверие, другой недавно «остароверившийся». И тот и другой говорили мне, что им трудно верить, будто богатыри действительно имели такую силу, какая им приписывается в былинах, будто, например, Илья Муромец мог побить сразу 40 тысяч разбойников, но что они поют так, потому что так слышали от отца. Но эти скептики составляют самые редкие исключения. Огромное большинство живет еще вполне под господством эпического мирозерцания»¹¹.

О той же вере сказителей и слушателей в действительность рассказываемых в былине событий говорят и другие собиратели. Былины — с точ-

¹⁰ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 42.

¹¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. М.—Л., 1949, стр. 36—37.

ки зрения сказителей — выражают не вымысел, а историческую «быль». Об этом свидетельствуют и замечания, которые сказитель вставляет во время исполнения былины. Собиратель С. И. Гуляев отмечает, что сказитель Леонтий Тушицын был убежден в истине того, о чем поется в быльишах¹².

Характерно, что когда сказительница М. Д. Кривоноленова попала в Москву, для нее Москва была прежде всего городом русской истории, местом, где совершались те или иные события, о которых она знала по историческим песням¹³.

Наше эстетическое сознание позволяет увлекаться созданиями художественного воображения чистого вида — с явно вымышленными героями и явно вымышленным сюжетом. Мы сочувствуем героям, которых мы признаем при этом созданием художественной фантазии. Но для средневекового читателя сомнение в действительности рассказываемого разрушало художественное впечатление. Поэтому в средневековых произведениях до XVII в. так редки открыто вымышленные герои, неисторические имена действующих лиц. Вымысел в средние века претендовал быть правдой. Сходно обстоит дело и в фольклоре. Народ не знал современных форм художественного вымысла, как не знали их и средневековые книжники.

Когда сказитель начинает сознавать, что былина рассказывает «враки», — этим убивается и в нем самом, и в его слушателях художественное впечатление от былины. Сказители-«скептики», о которых говорит А. Ф. Гильфердинг, не менее показательны с этой точки зрения, чем сказители, безусловно уверенные в исторической правдивости всего, о чем рассказывает былина. Ведь сама оценка былины с точки зрения соответствия или несоответствия ее действительности говорит о сущности именно этого момента.

Никто не станет оценивать произведения Чехова или Достоевского с точки зрения степени точности воспроизведения ими реально имевших место фактов или прототипов героев. Но сказитель-«скептик», который говорит про былинку — «враки», выражает тем самым и ее оценку. Такого сказителя былина интересует несравненно меньше, чем сказителя, кото-

¹² Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939, стр. 33.

¹³ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1922, стр. 9. «Бабушка здесь в Москве получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни.

Подумайте: всю жизнь цела о Каменной Москве, об Иване Грозном, о Марье Демрюковне, — и все здесь нашлось:

— Уж, правда, каменн'а Москва: дома каменны, земля каменна...

— Ивана Грозного своими глазами видела (т. е. портрет), знаю, что не врака, а быль же, бывало!

Ехать в Замоскворечье — значит ехать к Скарлютке (к дому Малюты Скуратова); Каменный мост — стал «калиновым мостом».

рый видит в былинне «единичный исторический факт» и конкретные исторические имена.

Напомню и о том, что пишет Р. Липец об отношении М. С. Крюковой к исполняемым ею былинам: «Крюкова относится к былинам, как к неписанной истории. За редким исключением, события былины для нее — подлинная действительность, персонажи их — живые люди»¹⁴.

Таковы важные для решения вопроса об историчности былины свидетельства собирателей былины, исследователей, знавших былинку в непосредственном исполнении и имевших возможность общаться со сказителями.

Возникает вопрос, существовало ли в средние века такое же отношение к былинне, какое существовало в XIX в. при А. Ф. Гильфердинге и при других первых собирателях? На это мы находим в летописях вполне определенные ответы.

Историки летописания выяснили, что многие сведения летописи имеют в своей основе сведения, почерпнутые из былин. Следовательно, летописцы рассматривали былины как своего рода исторический источник и не сомневались в том, что былина рассказывает о действительно имевших место событиях и о действительно существовавших лицах.

Если «историческая школа» в области изучения эпоса видела в записях летописей о героях былин по преимуществу свидетельства о действительно существовавших лицах, то теперь по большей части в этих записях историки летописания усматривают отражение эпоса. Факт этот неоспоримо говорит о том, что «художественное сознание» средневековья видело в богатырях исторических лиц, рассматривало былевой эпос как рассказ о конкретных «единичных событиях» русской истории и о конкретных действительно существовавших лицах.

А. А. Шахматов отметил былинное происхождение рассказа Владимирского полихрона Фотия о «храбрах», принимавших участие в Калкской битве¹⁵. Былинного происхождения многочисленные известия Никоновской летописи о богатырях Родмане, Рагдае Удалом, Могуте, Добрыне и других. Различные и разноречивые сведения об Александре Поповиче в русских летописях (во Владимирском полихроне Фотия, в Тверском сборнике 1534 г., в Никоновской летописи и специальной повести об Александре Поповиче) свидетельствуют о том, что и последний воспринимался как историческое лицо¹⁶. Летописцы отождествляли Сатка Сытинича в Новгородской первой летописи с былинным героем Сатком Богатым

¹⁴ Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородин и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. Редакция и предисловие акад. Ю. Соколова.— Летописи Государственного литературного музея, кн. 6. М., 1939, стр. 25.

¹⁵ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, ч. 338, 1901, стр. 73.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ, т. VII. М.— Л., 1949, стр. 17—51.

и приурочивали к определенным годам существование посадника Васьки Буслаева¹⁷.

Приведенные факты говорят о том, что рассматривать «былину» в том же плане, как мы рассматриваем произведение современной художественной литературы с откровенным художественным вымыслом в его основе, нет никаких оснований. Это было бы недопустимой модернизацией исторического сознания сказителей и их слушателей.

Так же точно совершенно невозможны для средневекового сознания различного рода предположения о том, что под видом одной эпохи в былине или в исторической песне подразумевается другая, под видом одних лиц изображаются другие и т. д.¹⁸ Перенесение современных нам явлений художественной аллюзии в средние века так же точно модернизирует старое художественное сознание.

Художественное обобщение в былине, как и в русской средневековой литературе, шло от единичного исторического факта, от конкретного исторического лица и конкретного исторического события. Эпическое произведение сперва рассказывало только о том, что было. Это могло быть историческое предание, историческая песнь, слава герою, плач по герою и т. д. Уже в этих первых исторических произведениях была доля художественного обобщения и осмысления истории, ибо рассказ о единичном факте не уничтожает возможности художественного обобщения. Затем, с течением времени события и исторические лица все больше трансформировались, все больше обрастали вымыслом. Произведение переходило в другой жанр, с другой степенью и с другим качеством художественного обобщения. Появлялась былина. Но и былина осознавалась все же как «правда». Народ стремился бережно сохранить имена, географические названия, историческую канву рассказа. Следующий этап нарастания вымысла в сюжете превращал былину в богатырскую сказку.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Народно-поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.). — Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в. М.—Л., 1953, стр. 230—231. Отмечу попутно, что С. Азбелев в статье «Новгородские былины и летопись» (сб. Русский фольклор, т. VII. М.—Л., 1962, стр. 44—51) спорит со мной по частностям (не всегда точно передавая мои точки зрения), но принимает, не оговариваясь, основные мои выводы об отождествлении летописцем Сатка Сытинича с Сатком Богатым и о фольклорном происхождении летописной вставки под 1171 г. о посаднике Ваське Буслаеве.

¹⁸ Впервые в былевом эпосе усматривать аллюзии стал С. К. Шамбинаго, предположивший, что былины о Василии Буслаеве возникли в XVI в. как памфлеты на Ивана Грозного (С. К. Шамбинаго. Песни-памфлеты XVI в. — Записки имп. Московского археологического института, т. XXVIII, 1913, стр. 1—266; 2-е издание: Песни времени царя Ивана Грозного. М., 1914). Идеи С. К. Шамбинаго не встретили сочувствия (см.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 305).

Выясняя конкретную историческую основу былины и сравнивая историческое событие с его трансформацией в былине, исследователь открывает для себя возможность изучить художественный вымысел, художественное обобщение, исторические идеалы и представления народа.

Все попытки определения эпохи или исторической формации, к которой относится былина, на основе крайне общих соображений, без определения того исходного исторического факта, который имеется в виду былинной, отличаются гораздо большим субъективизмом и произволом, чем разыскания представителей «исторической школы».

Без выяснения конкретных исторических фактов исследователь в определении исторических взглядов народа не может пойти дальше самых общих фраз о патриотизме народа, о его ненависти к врагу-захватчику и решимости оборонять родину, о его ненависти к боярству и пр.¹⁹ Естественно, что этими общими фразами не может удовлетвориться ни историк, ни фольклорист.

Специфика художественного обобщения существует, но, как показывают факты отношения самих носителей былины и их слушателей к исполняемым ими произведениям, она такова, что требует самого широкого привлечения именно историков к изучению русского эпоса. Без участия историков русский эпос изучать бесплодно.

¹⁹ В. Я. Пропп предлагает такой путь исследования: сперва раскрыть замысел и идею фольклорного произведения, а потом выяснить ее историческую основу: «Только после того как будет решен вопрос о замысле, об идее этой песни, — пишет он о былине о Дунае, — могут найти правильное решение и другие вопросы, которые не была в состоянии разрешить буржуазная наука: о степени историчности этой былины, о ее художественной форме, о ее отношении к эпосу других народов, и другие» (В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 130—131). Но выяснение идеи произведения без разрешения ряда предварительных вопросов об отношении произведения к исторической действительности и о его художественной форме совершенно невозможно. Идея произведения — самая важная и самая трудная для изучения сторона произведения. Определение ее должно вепчать и завершать собой исследование произведения. И оно может быть сделано только после сбора всего фактического материала о произведении.